

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 174-181, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93/94

The North-Eastern Azov Sea Littoral within the Administrative/Territorial Structure of the Russian State (the Late 17th-Early 19th Centuries)

¹Pyotr A. Avakov
²Amiran T. Urushadze

¹Russian Academy of Sciences Southern Scientific Centre
Institute of social-economic and humanities researches Russian Federation, Russian Federation
344000, Rostov-on-Don, Chekhova str., 41
PhD (History)

E-mail: pavakov@mail.ru

²Russian Academy of Sciences Southern Scientific Centre
Institute of social-economic and humanities researches Russian Federation, Russian Federation
344000, Rostov-on-Don, Chekhova str., 41
PhD (History)

E-mail: urushadze85@mail.ru

Abstract

This article addresses the history of the formation and development of the administrative/territorial set-up of the North-Eastern Azov Sea littoral within the Russian state. The author identifies the major stages in the administrative reformation of the krai. The article examines the various projects on optimizing the governance of the region and their significance. The work is put together based on a broad array of published and archive sources.

Keywords: North-Eastern Azov Sea littoral; south of Russia; administrative/territorial division.

Введение

История территориального расширения Российского государства и последующей интеграции новоприобретенных земель в систему управления относится к «классическим» сюжетам отечественной историографии. В последнее время, ввиду хронической неразрешенности проблем формирования оптимальной модели административно-территориального деления и управления юга России, данная тематика приобрела и прикладное, практическое значение. Эти условия предопределяют необходимость широкого, контекстного анализа основ становления и факторов трансформации административной карты и управленческих практик различных российских территорий. Выбор Северо-Восточного Приазовья в качестве объекта исследования продиктован высокой

степенью интенсивности административных преобразований, которым перманентно подвергалась эта историческая область.

Материалы и методы

В основе статьи лежит анализ неопубликованных и опубликованных документов, среди которых материалы российских федеральных и региональных архивов. Исследование опирается на принципы историзма, системный и историко-географический подходы.

Обсуждение и результаты

С 1475 г. Северо-Восточное Приазовье принадлежало Османской империи, причем в конце 60-х годов XVI в. его территория, ранее относившаяся к Азакскому кадилыку Кафинского санджака, была выделена в самостоятельный Азакский санджак, ставший частью новообразованного Кафинского эйялета. Военно-административным центром Азакского кадилыка, а затем санджака, являлся город-крепость Азак (Азов) [1].

В отличие от других окраинных регионов, Северо-Восточное Приазовье входило в состав Российского государства трижды, причем каждый раз в ходе войны с Турцией: в 1696 г. (война 1686–1699 гг.), в 1736 г. (война 1735–1739 гг.) и в 1769 г. (война 1768–1774 гг.). В первом и третьем случаях территориальное приобретение было оформлено Константинопольским и Кючук-Кайнарджийским мирными договорами соответственно 1700 и 1774 гг. [2], второе присоединение края к России имело временный характер [3].

Овладев Азовом 19 июля 1696 г., Петр I ликвидировал Азакский санджак и взял под контроль все Северо-Восточное Приазовье. Царем сразу же было предусмотрено распространение российской колонизации за пределы обжитого турками района устьев Дона, а именно – на Миусский полуостров, где у мыса Таган (Таган-рога) он запланировал построить военно-морской порт и крепость [4]. Кульминацией начавшегося в 1697 г. освоения Миусского полуострова стала закладка в 1699 г. Таганрогской гавани и города-крепости Троицкого, более известного в литературе как Таганрог [5]. Приазовье в этот период рассматривалось российскими властями, прежде всего, как стратегический военно-морской плацдарм для предстоящей борьбы с Турцией за выход в Черное море.

В конце XVII в. в Северо-Восточном Приазовье сложилась традиционная для Московского государства система местного управления, не обладавшая той гибкостью и рациональностью, которые требовались для реализации намеченных Петром I грандиозных военных, хозяйственных и строительных программ. Местная власть в крае была представлена двумя независимыми друг от друга воеводами, резиденциями которых являлись Азов и Троицкий (до сентября 1699 г. – город-крепость Павловский на Петрушиной косе). Вскоре практика убедила правительство принять решение о сосредоточении всей административной власти в Приазовском крае в одних руках. Вначале вызвавший много нареканий троицкий воевода Е.И. Янов в июне 1700 г. был временно подчинен своему азовскому коллеге С.И. Салтыкову. Часть дел – прежде всего, надзор над строительством гавани, – была вообще изъята из компетенции Е.И. Янова и передана С.И. Салтыкову. Затем сменивший Е.И. Янова в декабре 1700 г. на посту троицкого воеводы Г.С. Титов был изначально официально подчинен новому азовскому воеводе С.Б. Ловчикову в качестве товарища (заместителя). Окончательным шагом на пути централизации местной власти в крае стало введение в Азове в 1703 г. должности губернатора и назначение на нее И.А. Толстого [6]. При этом Азов лишь формально являлся центром российского Приазовья, так как в 1704 г. в связи с растущим значением таганрогских строек губернатор «переехал на житье в Троицкой» [7]. Он лишь на время навещался оттуда в Азов, где остался его заместитель.

В ходе губернской реформы 1709–1711 гг. территория Приазовского края была включена в состав обширной Азовской губернии, занимавшей (полностью и частично) территорию 12 современных субъектов Российской Федерации и трех областей Украины. Характерно, что у губернии было два официальных административных центра – Азов и Воронеж. Азовским генерал-губернатором в феврале 1710 г. был назначен граф Ф.М. Апраксин, возглавлявший Приказ адмиралтейских дел, в ведение которого одновременно было передано Северо-Восточное Приазовье. В результате, местное и центральное руководство краем слились воедино, что способствовало большей координации

правительственных усилий. При этом непосредственное управление Приазовским краем по-прежнему осуществлял губернатор И.А. Толстой – второе лицо в губернской иерархии [8].

Дальнейшее административно-территориальное обустройство Приазовского края было прервано в 1711 г. неудачным для России исходом войны с Турцией. По условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 г. Петру I пришлось вернуть Турции Азов со всем Северо-Восточным Приазовьем, а также разрушить Троицкий и другие сооруженные в крае укрепления [9]. Продолжавшаяся 15-летняя российская колонизация края завершилась реставрацией Азакского санджака в январе 1712 г.

Добиться реванша в геополитическом противостоянии с Турцией в Северо-Восточном Приазовье Россия смогла в царствование императрицы Анны Иоанновны, в результате взятия армией генерал-фельдмаршала П.П. Ласси Азова 20 июня 1736 г. Однако в условиях военного времени правительство не спешило оформлять административно-территориальный статус края. Управление повторно завоеванной территорией императрица возложила на генерал-аншефа В.Я. Левашова – «главного при Азове командира». Мемуарист Х.Г. Манштейн даже назвал его губернатором Азова [10]. Под контроль генерала фактически попала вся территория бывшего Азакского санджака в границах 1714 г.

Дальнейшую судьбу края решил Белградский мирный договор от 18 сентября 1739 г., в соответствии с которым Азов подлежал разрушению, а прилегающие к нему земли получили статус нейтральной и демилитаризованной зоны, служащей «барьером» между двумя империями. Часть северного побережья Азовского моря от дельты Дона до р. Миус осталась в составе России, но на этой территории запрещалось строить крепости и основывать стационарные поселения [11]. Эти условия были выполнены в октябре 1741 г., уже в правление императора-младенца Иоанна Антоновича [12].

Прошло еще 30 лет, прежде чем появилась возможность окончательного присоединения Северо-Восточного Приазовья к России. В марте-апреле 1769 г. отряды генерал-майора Ф. Вернеса и бригадира И.П. де Жедераса заняли развалины Азова и Троицкого, и приступили к восстановлению крепостей. Вскоре началась реконструкция Таганрогской гавани, ставшей базой Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Синявина [13].

Стабилизация ситуации в регионе после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. повлекла за собой создание новой административно-территориальной единицы, в состав которой вошло и Северо-Восточное Приазовье. По указу Екатерины II от 14 февраля 1775 г. была образована Азовская губерния во главе с генерал-губернатором графом Г.А. Потемкиным. Однако он, как и глава первой Азовской губернии граф Ф.М. Апраксин, осуществлял самое общее руководство новой административно-территориальной единицей, находясь далеко за ее пределами. На месте губернией управлял назначенный императрицей губернатор В.А. Чертков, подчинявшийся генерал-губернатору. Следует отметить, что Азов на этот раз не стал административным центром Азовской губернии. Губернатор В.А. Чертков и губернская канцелярия изначально размещались в Белевской крепости на р. Берестовой (ныне – г. Красноград Харьковской области Украины), а в 1776 г. были переведены в Екатеринослав (первый) на р. Кильчень. Изначально губерния состояла из двух провинций – Азовской и Бахмутской, но вскоре Азовская провинция была упразднена, и Азов стал уездным городом [14].

В последней четверти XVIII в. колонизация Приазовского края развернулась с новой силой и в еще больших масштабах [15]. При этом правительство Екатерины II во многом опиралось на опыт, накопленный при Петре I и не забытый в царствование Анны Иоанновны.

Азовская и Новороссийская губернии занимали особое положение в административно-территориальной структуре империи – лишь указом Екатерины II от 30 марта 1783 г. на них были распространены «Учреждения для управления губерниями Всероссийской империи» 1775 г. Но поскольку ни одна, ни другая губерния не располагали положенным количеством населения и изначально фактически представляли собой единую область, императрица этим же указом объединила их в Екатеринославское наместничество. Подобно Петру I в 1710 г. Екатерина II взяла курс на централизацию и персонификацию управленческих полномочий в южном регионе. Екатеринославским генерал-губернатором был назначен светлейший князь Г.А. Потемкин, а губернатором, осуществлявшим текущее управление наместничеством, Т.И. Тутолмин, вскоре замененный И.М. Синельниковым. Князь

Г.А. Потемкин, с середины 70-х годов XVIII в. занимавший должность новороссийского, азовского и астраханского генерал-губернатора, получил практически полную свободу в определении центра и внутренних границ наместничества, что дало ему возможность радикально перекроить административные контуры двух упраздненных губерний [16]. Однако эти изменения не затронули Северо-Восточное Приазовье, ранее входившее в состав Таганрогского уезда Азовской губернии: в 1784 г. при окончательном определении территориальной структуры Екатеринославского наместничества, он был переименован в Мариупольский уезд, но границы его остались прежними [17].

После включения в 1783 г. Крымского ханства в состав Российской империи и проведения новой линии границы с Турцией по р. Кубани [18] Северо-Восточное Приазовье оказалось в глубоком тылу и потеряло свое военно-стратегическое значение. На последующих этапах развития административной политики в крае имперская власть исходила из необходимости эффективного регулирования торговли и торгового земледелия в регионе. В конце XVIII в. Таганрог стремительно эволюционировал: потеряв в 1783 г. статус базы российского военно-морского флота, город превратился в крупнейший внешнеторговый порт. Указом Екатерины II от 10 февраля 1784 г. предписывалось оказавшийся «внутри государства» Таганрог отныне крепостью «не почитать» [19].

31 декабря 1796 г. Павел I объединил Таврическую область, Екатеринославское и Вознесенское наместничества в обширную Новороссийскую губернию. 29 августа 1797 г. император утвердил разработанную Сенатом структуру губернии. Одним из ее 12 уездов был Ростовский, который включал в себя большую часть Северо-Восточного Приазовья [20].

Социально-экономическому развитию Приазовского края, как и всего юга России, должно было способствовать разукрупнение Новороссийской губернии и, соответственно, децентрализация управления регионом. Согласно указу императора Александра I от 8 февраля 1802 г., территория Новороссийской губернии «для удобнейшего течения дел» была разделена между тремя губерниями: Николаевской, Екатеринославской и Таврической. Земли Северо-Восточного Приазовья вошли в пределы Ростовского уезда Екатеринославской губернии Таганрогского градоначальства, которое до 1888 г. фактически оставалось полуавтономной административной единицей. Таганрогский градоначальник подчинялся непосредственно министру внутренних дел, министру коммерции и генерал-прокурору Сената [21]. Административное значение градоначальства было столь велико, что «присутственные места» (административные учреждения) и казначейство Ростовского уезда, с 1797 г. временно размещавшиеся в Таганроге, были перенесены в Ростов-на-Дону лишь в 1806 г. Но спустя 10 лет, в 1816 г. для удобства их вернули обратно [22].

Управленческая «экспансия» Таганрогского градоначальства в Приазовском крае получила новое развитие уже в следующем 1807 г. По представлению таганрогского градоначальника барона Б.Б. Кампенгаузена с целью содействия росту торговли и промышленности Приазовья, Александр I именным указом присоединил Ростов-на-Дону, Нахичевань и Мариуполь к Таганрогскому градоначальству «по части полиции, торговли и купеческой навигации». По прочим вопросам эти города оставались в подчинении губернской администрации [23]. Следующим шагом по пути концентрации административных полномочий в руках таганрогских градоначальников стала передача в их ведение таможенного контроля в пределах Азовского бассейна [24]. Примечательно, что оба эти именных указа были подписаны Александром I с разницей в один день – 31 октября и 1 ноября 1807 г.

Так же стремительно, как возрастала в последней четверти XVIII в. роль Таганрога в административной и экономической жизни Приазовья, падало значение Азова. В 1810 г. Азовская крепость была упразднена, а в 1823 г. захолустный город превратился в посад [25].

Ко времени создания второй Азовской губернии (1775) часть Северо-Восточного Приазовья фактически принадлежала Войску Донскому. Донские казаки начали промыслово-хозяйственное освоение этой территории после 1741 г., когда район дельты Дона входил в буферную «барьерную» зону и еще не являлись частью России. С 1775 г. войсковые земли в устьях Дона находились в ведении сысчного начальника, имевшего резиденцию в Усть-Аксайском стане (с 1797 г. – ст. Аксайская). Казачьи владения в окрестностях Таганрога и р. Миус до 1802 г. вообще не имели никакого местного управления [26]. В 1797 и 1802 гг., при проведении в Войске Донском административной реформы, эти

два казачьих анклава на окраине Екатеринославской губернии вошли в состав Аксайского (Черкасского) сыскного начальства и образовали Миусское сыскное начальство. Примечательно, что сыскными начальствами назывались и территориальные округа, и управлявшие ими учреждения, являвшиеся донским вариантом нижних земских судов. Их возглавляли выборные судьи, подчинявшиеся Войсковой канцелярии Войска Донского [27].

Таким образом, в начале XIX в. на территории Северо-Восточном Приазовья сложилась своеобразная административная «чересполосица»: ее отдельные части, расположенные по соседству, относились к ведомству Екатеринославской губернии, Таганрогского градоначальства и Войска Донского. Это неблагоприятное с рациональной точки зрения обстоятельство, а также все возрастающее значение региона в сфере внешней торговли, товарного земледелия и промышленности вкупе со значительным ростом местного населения [28] вынуждали имперское правительство искать более эффективную конфигурацию административно-территориальной карты края. В годы правления императора Николая I (1825–1855) была констатирована порочность практики закрепления административных прерогатив за отдельными институтами исключительно «в видах развития торговли», то есть в отрыве от удобства административного управления [29].

Одним из вариантов административного обустройства всего Приазовья в XIX в. стал нереализованный проект создания Петровской, или Таганрогской губернии. Впервые этот проект был представлен Николаю I министром внутренних дел графом Д.Н. Блудовым в 1838 г. Петровскую губернию предполагалось образовать из восточной части Екатеринославской губернии, ногайских земель в районе Бердянска и Миусского сыскного начальства Земли Войска Донского. Несмотря на то, что на учреждение новой губернии последовало соизволение императора, новое административное образование на карте юга Российской империи так и не появилось. К идее создания Петровской губернии вновь обратился сенатор М.Н. Жемчужников, ревизовавший в 1844 г. Таганрогское градоначальство. Подчеркивая многочисленные выгоды от образования губернии в рапорте Николаю I «Об устройстве управления прибрежными городами Азовского моря» от 1844 г., сенатор писал: «Учреждение Петровской губернии было бы благотельно для всего приморья Азовского; оно ближе и удобнее связало бы Украину и внутренние губернии со странами прилежащими к сему морю, и облегчило бы исполнение благотельных постановлений дарованных земле Войска Донского». В дополнение к проекту Д.Н. Блудова, М.Н. Жемчужников предлагал включить в состав губернии города Ростов-на-Дону и Бердянск, а также, в целях пресечения торгового соперничества Керчи и Таганрога подчинить первую главе Петровской губернии [30]. Но и этот проект административной реорганизации, тоже утвержденный императором, остался на бумаге.

Последующие планы переустройства системы управления в Северо-Восточном Приазовье непременно содержали пункт, согласно которому Миусский округ Земли войска Донского (бывшее Миусское сыскное начальство) должен был безвозмездно отойти к новому административному образованию. Между тем, власти Войска Донского проявили в этом вопросе принципиальную неуступчивость, что привело в 1850–1860-х гг. к провалу двух попыток создания Таганрогской губернии [31].

К 1860-м годам расстановка сил между городскими центрами в Приазовье существенно меняется. Постепенно Таганрог уступил Ростову-на-Дону позицию торгово-промышленного центра региона. Не последнюю роль в этом сыграл генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабии (с 1844 г. еще и наместник Кавказа) граф М.С. Воронцов. Основным торговым конкурентом Одессы (административного центра Новороссийского края) в первой половине XIX в. был Таганрог. Предшественники М.С. Воронцова на посту новороссийского генерал-губернатора (Э.О. де Ришелье, А.Ф. Ланжерон) не раз пытались ограничить таганрогскую торговлю внутренним рынком и тем самым снизить значение Таганрогского порта. Трудно сказать, преследовал ли М.С. Воронцов непосредственно эту цель, но именно реализация его инициатив 1835 г. по расчистке гирл Дона и учреждению таможенной заставы в Ростове-на-Дону привела к появлению необходимых условий «для свободного отпуска русских произведений прямо с тамошней пристани, не завозя их в Таганрог» [32]. Потеря Таганрогом былого значения вызвала обсуждение в российском правительстве возможности создания отдельного Ростовского округа, включающего Таганрогское

градоначалство, с центром в Ростове, который по «положению своему при устье судоходной реки на главном торговом пути этого края, представляет более задатков будущности, чем Таганрог» [33].

В условиях утраты Таганрогом прежней роли в социально-экономическом развитии региона самостоятельность Таганрогского градоначалства выглядела неоправданной. Одновременно выход на лидирующие позиции Ростова-на-Дону еще более усложнял управление им из далекого Екатеринослава (второго, ныне – г. Днепропетровск на Украине). Административно-территориальная чересполосица Северо-Восточного Приазовья становилась препятствием и при реализации масштабных управленческих решений. Так, при переселении казаков Азовского казачьего войска на Кавказскую линию в 1862–1863 гг., маршрут следования переселенцев, пролежавший через Ростов-на-Дону, необходимо было согласовывать между тремя сторонами: наказным атаманом Азовского казачьего войска, губернатором Екатеринославской губернии и Войсковым правлением войска Донского [34].

Ближайшей к Таганрогу и Ростову административной единицей, как в географическом, так и в административном отношении, была Область Войска Донского. Это обстоятельство, наряду с традиционными торговыми, промышленными и социальными связями местного населения, стали причинами включения Таганрогского градоначалства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии в состав Области по указу Александра III от 19 мая 1887 г. в качестве Таганрогского и Ростовского округов соответственно. По ходатайству военного министра император отсрочил выполнение этого указа до 1888 г. Новые административные образования вобрали в себя территорию бывшего Миусского и частично Черкасского округов [35].

Выводы

Таким образом, в правление Петра I и Екатерины II Северо-Восточное Приазовье изначально представляло собой самодостаточный район российской колонизации (1696–1709 и 1769–1774), который со временем стал частью более крупных административно-территориальных образований – первой Азовской губернии (1710), второй Азовской губернии и Екатеринославского наместничества (1775 и 1783). При этом генерал-губернаторами этих областей монархи назначали деятелей, лично близких к ним и облаченных особым доверием: граф Ф.М. Апраксин приходился свояком Петру I, а князь Г.А. Потемкин на протяжении многих лет был фаворитом Екатерины II. Но если в 1696–1711 гг. Приазовский край являлся южным анклавом Великороссии, то после его 33-летнего существования в качестве соседствующих нейтральной и приграничной зон, ко времени окончательного присоединения к России в 1774 г., два обширных участка этой исторической области уже фактически принадлежали полуавтономному Войску Донскому, что позже было закреплено юридически. Возникшая таким образом административная «чересполосица» пока не имела принципиального значения, так как войсковые земли в регионе имели устойчивые экономические связи с его государственной частью, и не препятствовали ее эффективному администрированию (если не брать во внимание территориальные споры 1775–1796 гг.). С 1802 г. Северо-Восточное Приазовье юридически перестало быть единым административно-хозяйственным организмом – сиюминутные экономические и административные конъюнктуры кардинальным образом изменили его место в административной структуре Российской империи. Создание Таганрогского градоначалства разделило управленческие усилия правительства в крае, понизив тем самым их эффективность. Частичное подчинение таганрогскому градоначалнику находящихся за пределами градоначалства населенных пунктов можно расценивать как паллиативную меру. Несмотря на периодическое появление проектов централизации региона во второй четверти XIX в., он был объединен в единых административных границах лишь в 1888 г., но не в качестве самостоятельной губернии, а в составе Области Войска Донского.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

Примечания:

1. Inalcik H. Azak // The Encyclopedia of Islam: New edition. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 808; Öztürk Y. Osmanli Hakimiyetinde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000. S. 111–112, 155.
2. Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПиБ). СПб., 1887. Т. I. № 318. С. 371–372.
3. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг.: Первые три года войны. СПб., 1906. С. 212–226.
4. Походный журнал 1696 года. СПб., 1853. С. 21–22.
5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 303.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 414 об., 484–484 об., 486–486 об., 642–654.
7. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 378.
8. ПиБ. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3032, 3033. С. 70–72; № 3132. С. 131.
9. ПиБ. М., 1962. Т. XI. Вып. 1. № 4576. С. 322–323; № 4581. С. 328–329.
10. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... С. 225–226, 229.
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. X. № 7900. С. 900.
12. ПСЗ. Т. XI. № 8462. С. 526–527.
13. Журнал военных действий армией Ея Императорского величества 1769 года. СПб., [1770–1773]. С. [132, 133].
14. ПСЗ. СПб., 1830. Т. XX. № 14252. С. 55–56.
15. Дружинина Н.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. С. 48–91.
16. ПСЗ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15696. С. 889.
17. РГАДА. Ф. 192. Екатеринославская губерния. Оп. 1. Д. 1; ПСЗ. Т. XXII. № 15910. С. 11–12.
18. ПСЗ. Т. XXI. № 15708. С. 897–898; № 15901. С. 1083.
19. ПСЗ. Т. XXIV. № 17702. С. 242; № 18117. С. 706–707.
20. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 286. Л. 1, 2, 7.
21. ПСЗ. Т. XXIX. № 22671. С. 1318.
22. ПСЗ. Т. XXIX. № 22673. С. 1319.
23. ПСЗ. Т. XXXI. № 24173. С. 104–105.
24. Ригельман А.И. Ростов на Дону 150 лет назад. Ростов н/Д., 1918. С. 17–19, 25.
25. Материалы к истории Дона // Памятная книжка Области войска Донского на 1900 год. Новочеркасск, 1900. Отд. IV. С. 10–11.
26. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–начале XIX. М., 1998. С. 57.
27. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 579. Оп. 1. Д. 198. Л. 72.
28. Там же. Л. 74–76.
29. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 1–15.
30. Из истории // Кавказ. 1850. № 32. (22 апреля). С. 128.
31. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 14 об–15.
32. ГАРО. Ф. 301. Оп. 13. Д. 161. Л. 1–2.
33. Самарина Н.В. Присоединение городов Нижнего Дона к Области войска Донского // Исторические этюды. Вып. 4. Ростов н/Д., 2000. С. 102–111.

References:

1. Inalcik H. Azak // The Encyclopedia of Islam: New edition. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 808; Öztürk Y. Osmanli Hakimiyetinde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000. S. 111–112, 155.
2. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo (dalee – PiB). SPb., 1887. T. I. № 318. S. 371–372.
3. Baiov A.K. Russkaja armija v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny: Vojna s Turciej v 1736 – 1739 gg.: Pervye tri goda vojny. SPb., 1906. S. 212–226.
4. Pohodnyj zhurnal 1696 goda. SPb., 1853. S. 21–22.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA). F. 396. Op. 3. D. 24. L. 303.
6. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-morskogo fota (dalee – RGAVMF). F. 177. Op. 1. D. 14. L. 414 ob., 484–484 ob., 486–486 ob., 642–654.
7. RGAVMF. F. 177. Op. 1. D. 36. Ch. 1. L. 378.
8. PiB. M.; L., 1950. T. IX. Vyp. 1. №№ 3032, 3033. S. 70–72; № 3132. S. 131.
9. PiB. M., 1962. T. XI. Vyp. 1. № 4576. S. 322–323; № 4581. S. 328–329.

10. Baiov A.K. Russkaja armija v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny... S. 225-226, 229.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda (dalee – PSZ). SPb., 1830. T. H. № 7900. S. 900.
12. PSZ. T. XI. № 8462. S. 526-527.
13. Zhurnal voennyh dejstvij armej Eja Imperatorskago veličestva 1769 goda. SPb., [1770–1773]. S. [132, 133].
14. PSZ. SPb., 1830. T. HH. № 14252. S. 55-56.
15. Druzhinina N.I. Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg. S. 48-91.
16. PSZ. SPb., 1830. T. XXI. № 15696. S. 889; tam zhe. T. HHII. № 15910. S. 11-12.
17. RGADA. F. 192. Ekaterinoslavskaja gubernija. Op. 1. D. 1; PSZ. T. HHII. № 15910. S. 11-12.
18. PSZ. T. XXI. № 15708. S. 897-898; № 15901. S. 1083.
19. PSZ. T. XXII. № 15929. S. 22.
20. PSZ. T. XXIV. № 17702. S. 242; № 18117. S. 706-707.
21. PSZ. SPb., 1830. T. XXVII. № 20 449. S. 288-291.
22. RGIA. F. 1286. Op. 1. D. 286. L. 1, 2, 7.
23. PSZ. T. XXIX. № 22671. S. 1318.
24. PSZ. T. XXIX. № 22673. S. 1319.
25. PSZ. T. XXXI. № 24173. S. 104-105.
26. Rigel'man A.I. Rostov na Donu 150 let nazad. Rostov n/D., 1918. S. 17-19, 25.
27. Materialy k istorii Dona // Pamjatnaja knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1900 god. Novočerkassk, 1900. Otd. IV. S. 10-11.
28. Kabuzan V.M. Jemigracija i rejemigracija v Rossii v XVIII–nachale XIX. M., 1998. S. 57.
29. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (dalee – GARO). F. 579. Op. 1. D. 198. L. 72.
30. Tam zhe. L. 74–76.
31. GARO. F. 579. Op. 1. D. 205. L. 1-15.
32. Iz istorii // Kavkaz. 1850. № 32. (22 aprelja). S. 128.
33. GARO. F. 579. Op. 1. D. 205. L. 14 ob-15.
34. GARO. F. 301. Op. 13. D. 161. L. 1-2.
35. Samarina N.V. Prisoedinenie gorodov Nizhnego Dona k Oblasti vojska Donskogo // Istoricheskie jetjudy. Vyp. 4. Rostov n/D., 2000. S. 102–111.

УДК 93/94

Северо-Восточное Приазовье в административно-территориальной структуре российского государства (конец XVII–XIX вв.)

¹ Петр Ашотович Аваков

² Амиран Тариелович Урушадзе

¹⁻² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

¹ Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: pavakov@mail.ru

² Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории формирования и развития административно-территориального устройства Северо-Восточного Приазовья в составе Российского государства. Выделены основные этапы административного реформирования края. Рассмотрены различные проекты оптимизации управления регионом и их значение. Работа выполнена на основе широкого комплекса опубликованных и архивных источников.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье; юг России; административно-территориальное деление.